

Этой фразой Цинь Мо заставил Ши Цина замолчать и задуматься.

Ведь если вспомнить весь процесс выполнения задания, то Цинь Мо и правда не сделал слишком многого.

Да, он изготовил чудесную таблетку, попросил кого-то передать ее наложнице Ли, тем самым напомнив женщине о желании вернуть былую молодость. Но, после всего этого, ему нужно было лишь шаг за шагом руководить фигурами на шахматной доске, которую Цинь Мо подготовил сам.

Если бы старый Император не жаждал долголетия и не был бы так одержим властью и влиянием, он бы не попался на такую простую уловку, и, конечно же, никогда бы не принял лекарство от непроверенного источника.

Если бы Второй принц, Жунсян, не был бы так озабочен своим положением, вряд ли бы он вошел во дворец в момент смерти Императора. Останься Жунсян снаружи, то он легко смог бы избежать ловушки, которая и привела к его окончательному падению.

В конечном итоге, именно мирские желания и привели этих людей к смерти. Но это не произошло бы без небольшого «вклада» Цинь Мо в ситуацию...

Вспоминая всё то, что произошло, Ши Цин был поражен в самое сердце. Он знал, что из-за использования сначала отчимом, а затем и биологическим отцом, Цинь Мо стал мрачным психопатом. Но Ши Цин никак не ожидал, что Цинь Мо так хорошо понимает тонкости человеческой души. Оказалось, что мужчина знаком со слабостями человеческой природы и очень хорошо умеет использовать свои знания.

Ши Цин постоянно был настороже... Вообще-то, работать с психопатом не так уж и плохо; ужасно лишь то, что с огромным IQ Цинь Мо, а также с его высоким EQ [1], их работу едва ли можно назвать совместной!

В таком случае, разве его (Ши Цина) не съедят и даже косточек не оставят?

На мгновение Ши Цин погрузился в пучину отчаяния.

Парень был достаточно самокритичен; в прошлой жизни, его IQ был на довольно низком уровне по сравнению с остальными людьми. Конечно, ему было далеко до умственной отсталости, но он не смог бы достичь гениев даже с помощью двухметрового бамбукового шеста. Тем не менее, теперь ему придется ладить с психопатом... QAQ... Все-таки нужно было ждать пятьсот лет.

Во время мучений и угрызений совести, прямо в ухе Ши Цина прозвучал пронзительный сигнал тревоги, поразивший его. Он поспешно вылетел из нефритового кулона и,

превратившись в черный туман, помчался к «Краткому руководству». Оказавшись там, парень быстро нашел страницу, о которой подумал. Когда Ши Цин увидел написанное там, его сердце сжалось. Он крикнул: «Цинь Мо, готовься, через тридцать секунд ты покинешь системное пространство и вернешься обратно в свое родное тело!»

Его голос дрогнул - фигура Цинь Мо уже начала растворяться в воздухе.

Обеспокоенный Ши Цин, проклиная все на свете, немедленно вернулся в нефритовую подвеску, а затем последовал за Цинь Мо.

В то время, как Цинь Мо исчезал, Ши Цин проявил способность говорить очень-очень быстро и начал объяснять: «Это моя ошибка. Я забыл сказать, что, хотя каждый раз, когда вы входите в Систему для выполнения своей задачи, время остается неизменным, после завершения, Системе потребуется три часа для сброса и пересмотра задач. В течение этого времени, вы не сможете оставаться в системном пространстве, поэтому возвращаетесь в свой мир. Три часа, вам нужно вернуться всего лишь на три часа!»

Его голос угас, так как их окружение резко изменилось; они вернулись в мир Цинь Мо.

Чтобы обезопасить себя, Ши Цин тут же замолчал. Также он спрыгнул вниз и спрятался на груди Цинь Мо.

Цинь Мо страдал от мучительной боли по всему телу из-за уничтоженного самосовершенствования. К сожалению, метод для его восстановления на стадии зарождения души был очень жестоким - он погружался в лечебную ванну. Но это была отнюдь не та ванна, которую могли бы вынести обычные люди.

Мужчина привык к постоянной боли во всем теле, но, поскольку его душа отправилась на выполнение системного задания, он получил временную отсрочку. Цинь Мо провел дни выполнения задачи, не чувствуя ни малейшей боли. Однако теперь, когда он вернулся в свое тело, интенсивность боли была настолько высокой, что смогла бы заставить его упасть в обморок.

Хотя Цинь Мо и обладал очень высокой терпимостью к боли, он не мог не закрыть глаза, дрожа, в то время как холодные капли пота стекали по его спине. Цинь Мо боролся со своим телом, пытаясь приспособиться к боли, которая ощущалась, будто бы все кости ломались, а куски плоти отрывались от тела.

Ши Цин примерно понимал, что Цинь Мо ощущает в данный момент. Он жутко заволновался, но не мог ничем ему помочь. Парень мог лишь смотреть - в этой ситуации было бы неуместно говорить какие-то слова утешения.

Внезапно Цинь Мо снял Ши Цина с груди и крепко сжал в руке. Холодный белый нефрит был полной противоположностью его горячей кожи. Мужчина до того крепко сжал руку, что почти

причинил себе боль. Тем не менее, ощущение того, что он крепко держится за что-то и полностью контролирует ситуацию, заставило его беспокойный разум сосредоточиться. Цинь Мо постепенно стабилизировался и смог сконденсировать свою духовную силу, чтобы придать выносливости физическому телу.

Как только Ши Цин подумал, что вот-вот задохнется, Цинь Мо, наконец, успокоился. Он слегка ослабил хватку, и, наконец-то, выпустил нефритовую подвеску из темноты и жесткого давления, которое было настолько сильным, что кулон едва не треснул.

Ши Цин был чрезвычайно благодарен Вселенной за то, что он сделан из нефрита. Камень был очень твердым; будь он маленьким животным, его бы давно уж придушили...

Даже мысль об этом, - плак-плак - настоящие мужчины не должны постоянно плакать, ах, но это было слишком уж страшно!

Ши Цин выдохнул, чтобы расслабиться. Но, внезапно, все вокруг них погрузилось во тьму.

Цинь Мо посмотрел вверх. В его бледном лице не было ни кровинки. Губы были почти что прозрачными, а темные глаза - глубокими и серьезными. Было очевидно, что его тело оставалось сильным и красивым, соответствуя гордому, хоть и слегка высокомерному характеру. Он был словно посланник из ада; вампир, бродящий в ночи. Даже если Цинь Мо и лишился всех благ, он все равно оставался благородным.

Лу Цзююань посмотрел на него и ухмыльнулся, прежде чем произнести: «Ты и правда унаследовал прекрасное тело».

Цинь Мо сдержанно ответил: «Жаль только, что в его венах течет такая грязная кровь».

Эта фраза вызвала вспышку гнева Лу Цзююаня, и он поднял руку, чтобы ударить Цинь Мо.

Однако, встреченный ледяным взглядом бездонных черных глаз, Лу Цзююань быстро остыл.

- Не испытывай меня - у меня к тебе нет ни капли доброты. Тем не менее, я позабочусь о тебе, пока твое совершенствование не будет восстановлено.

Цинь Мо уставился на него, а затем внезапно улыбнулся, прошептав: «Твой день скоро придет».

И хоть голос его был очень тихим, а смех - легким, он вызывал у любого слушателя невольное чувство беспокойства. Лу Цзююань нахмурился; так как он встречал множество людей в своей жизни, то был экспертом в манипулировании другими. Тем не менее, что касается сына, то он постоянно ощущал невозможность познать всю суть и глубину Цинь Мо. Сначала Лу Цзююань думал, что полностью контролирует его, но, в конце концов, ударил лицом в грязь.

Лу Цзююань посмотрел на Цинь Мо, исполнившись презрения. Он не хотел тратить впустую этот первоклассный человеческий сосуд, и не желал, приложив все усилия для его улучшения, снова его потерять. Он будет поглощать плоды своих трудов, пока не вкусит все до последней крошки.

Вернувшись в реальность, Лу Цзююань вынул бочонок с лекарством, который приготовил из своего накопительного кольца [2]. Огромная деревянная бочка была наполнена обжигающим горячим отваром из многочисленных трав. От бочки исходил гнилостный аромат. Цвет жидкости был непрозрачным и серо-черным; словно ведро с ядом - казалось, что он вот-вот разъест твое тело.

Лу Цзююань сердито посмотрел на Цинь Мо: «Ты сам окунёшься или мне нужно тебе помочь?»

Цинь Мо даже не удостоил его взглядом. Он встал, без колебаний залез в бочку, тихо сел и закрыл глаза.

Мужчина прислонился к стенке бочки, испытывая такой уровень боли и страданий, будто бы его тело находилось на грани уничтожения.

Лу Цзююань не ушел сразу - остался, дабы внести некоторые коррективы в лекарство. Он прекрасно понимал, что, хотя этот отвар и был чрезвычайно полезным для совершенствования, он был эффективен лишь для ускорения совершенствования; он не предполагал никакого комфорта для человека, согласившегося на эту процедуру. Поскольку скорость совершенствования была очень высокой, боль, сопровождающая лечение, была, соответственно, чудовищной. Как будто многочисленные маленькие животные кусали каждый дюйм кожи, а все нервы были разрушены, пробуждены, восстановлены, реорганизованы, обновлены... И всё начиналось заново.

Эта боль определенно может заставить даже самого высокомерного человека поклониться, а самый сильный человек станет умолять о пощаде; ведь они были всего лишь людьми и не смогли бы переносить такие страдания.

Лу Цзююань нарочно мучил Цинь Мо - он хотел, чтобы тот понял, что это - плата за его прошлые действия, и что он никогда больше не должен пытаться избежать своей судьбы.

Несмотря на то, что Лу Цзююань восстанавливал тело сына, он хотел, чтобы тот горел в огне, словно катаясь на сковородке, кричал от боли, а затем, в страхе, становился на колени и умолял его о прощении!

Однако Лу Цзююань был разочарован; Цинь Мо, казалось, спал. Его длинные черные волосы свисали с края бочки, а черные одежды были разъедены после контакта с лекарством. Тело Цинь Мо быстро окрасилось в черный, за исключением ледяного лица, которое оставалось таким же прекрасным, как и прежде. Даже эта ситуация не вызвала на его лице никаких эмоций.

Лу Цзююань нахмурил брови. Он не мог поверить – абсолютно не мог – что Цинь Мо такой упорный и что он будет терпеть до конца.

Ши Цин же уже проклял в сердце восемь поколений предков Лу Цзююаня. Черт возьми! Этот ублюдок действительно биологический отец Цинь Мо? Как можно оскорбить титул «отец» таким образом? Любой, у кого есть хотя бы капелька человечности, не приговорит своего сына к смерти!

Хотя тело Ши Цина и было сделано из нефрита, это не означало, что он вообще ничего не чувствовал. Его тело все еще обладало пятью чувствами, включая осязание, но, стоит отметить, что его способность чувствовать боль была в сотни раз меньше, чем у человека. Это означало, что в обычных условиях он не смог бы почувствовать боль. Но теперь, когда Ши Цин последовал за Цинь Мо в эту ванну, казалось, что еще немного и боль убьет его.

Во время своей борьбы с раком Ши Цин считал свою способность противостоять боли превосходной. Теперь же он скрежетал зубами. Черт возьми, какой проступок должен совершить человек, чтобы понести наказание такого уровня?!

Его мысли вернулись к Цинь Мо. Хотя он и Ши Цин были не очень хорошо знакомы, в этот момент парень был полон праведного негодования и от имени Цинь Мо в том числе. Лу Цзююань, подонок, если я не убью тебя сотни раз, то я недостоин своего имени!

Но Ши Цин не смел издать ни звука, поэтому он лишь молча терпел давление ладони Цинь Мо. Тот, с головы до ног оставаясь неподвижным, продолжал крепко сжимать нефритовую подвеску. Казалось, вся его сила была сосредоточена там, потому Ши Цин и подумал, что, возможно, кулон придает ему смелости... Но, в данный момент, парень не мог спросить и понять, правда ли это.

Три часа прошли как три года; каждая секунда ползла, останавливалась, а затем продолжала свой путь. Лу Цзююань, подонок, наблюдал со стороны, ожидая, что сможет насладиться мольбами и несчастьем. Убедившись, что он ничего не получит, Лу Цзююань вылил еще больше лекарственного отвара в бочку.

Эта мутная жидкость могла бы вызвать подозрения относительно ингредиентов; после того, что было сказано и сделано, трудно было поверить в то, что это лекарство, а не яд.

Ши Цин не знал, восстанавливается ли тело Цинь Мо. После действий Лу Цзююаня парень начал думать, что боль Цинь Мо стала еще хуже...

Прошли последние секунды и их трёхчасовое ожидание, наконец, закончилось. Ши Цин немедленно открыл проход и втянул Цинь Мо обратно в системное пространство.

Как только они вернулись, Ши Цин немедленно вылетел из серо-черного нефритового кулона, который защищал его от боли. Цинь Мо же закрыл глаза и прислонился к стене.

Ши Цин запаниковал. Он и правда испугался, что Цинь Мо может умереть. Поэтому он быстро подлетел к мужчине и громко спросил: «Цинь Мо, Цинь Мо, как вы себя чувствуете?»

Цинь Мо некоторое время молчал, не открывая глаз, пока, наконец, не спросил: «Почему ты последовал за мной?»

<http://bllate.org/book/5264/521847>